

Помнить пращуров

Веч. Москва - 1997 - 16
2пр. - с. 5

Силыч, Палыч и «Вечерка»

Перелистывая выпущенный в 1980 году в издательстве «Советский писатель» сборник «А. С. Новиков-Прибой в воспоминаниях современников», я с грустью обнаружил, что из его 41 автора здравствуем только я сам да поэт Николай Флёров. Умер писатель в 44-м, а нынешней весной исполнилось 120 лет со дня его рождения.

Вспомнилось мне и то, что солидная часть публицистики Алексея Силыча в предвоенные тридцатые годы и в пору Великой Отечественной войны печаталась в «Вечерке». И еще — его простодушный ответ на вопрос своего старшего сына Анатолия о причинах симпатии к именно этой газете.

— Во-первых, потому, — сказал он, — что хотя там и не моряки, но славные ребята. Во вторых, люблю оперативность, утром принесешь в редакцию материал, а к вечеру, смотришь, он уже опубликован. Такого не бывает ни в одной другой газете...

И все же эти слова лишь частично отражают действительную причину привязанности писателя к «Вечерке».

А. С. Новиков-Прибой в своем рабочем кабинете в доме № 8 в Большом Кисловском переулке (1944 год)

Решающую роль в сближении писателя с газетой сыграл его многолетний секретарь Дмитрий Павлович Зуев. Старожилы столицы, давние читатели помнят его фенологические заметки, без них не обходилась ни одна неделя.

Однажды, едуци в какое-то издательство, они по просьбе Дмитрия Павловича заехали в редакцию «Вечерки» в Потаповский переулок. Алексей Силыч подниматься туда не хотел, считая неудобным заходить без надобности к незнакомым людям. Однако Зуев его уговорил. Случайное это, оказавшееся впоследствии весьма плодотворным знакомство произошло 3 августа 1936 года.

Тогдашний ответственный редактор «Вечерней Москвы» А. А. Романовский попросил Алексея Силыча хотя бы несколькими строчками откликнуться на актуальную тогда тему — фашистском путче в Испании. Писатель тут же в кабинете главного написал короткое приветствие испанским республиканцам.

А вечером Зуев принес Новикову-Прибою газету. Автор был в восторге.

— Надо же, — говорил он за ужином, — уже опубликовали. Вот бы так же поступали другие издания...

С того дня Алексей Силыч стал заглядывать в редакцию регулярно. В пятом томе собрания его сочинений Новикова-Прибоя есть, в частности, пять очерков, написанных в годы войны, впервые они опубликованы в «Вечерней Москве». И последнее, вышедшее из под пера писателя, — очерк к столетию со дня рождения К. Станюковича, написанный уже в больнице за 26 дней до кончины, также впервые увидел свет именно в «Вечерке».

«Сосватавший» его с газетой Дмитрий Зуев был удивительным оригиналом. Он не курил, но не расставался с табакеркой, где держал нюхательный табак, который составлял из только ему ведомых лесных и луговых трав. Нюхал и аппетитно чихал. Очками — какая проза! — он не пользовался, а как чопорный английский лорд, вдевал в левую глазную впадину монокль. Однажды после удачной весенней охоты на родине Алексея Силыча в рязанском селе Матвеевском Зуев приятным голосом затянул неаполитанскую песню, и слушать его возле дома собралась чуть ли не половина села, а он все пел и пел.

После Великой Отечественной Зуев стал носить чудовищную по размерам бороду. Еще шире стала его популярность у читателей, видевших в его заметках свежую отдушину, окно в природу, среди привешенных бесконечных официозов. Его газетные очерки и книги «Времена года» и «Дары русского леса» читали и пересказывали. А Корней Чуковский однажды охарактеризовал его как создателя нового плодотворного жанра — «заметок фенолога».

Откуда в нем, которого многие привыкли видеть с неизменной котомкой за плечами и в валенках круглый год, были эти «аристократические замашки»? Он никогда не рассказывал никому о своем детстве и юношестве, избегал на эту тему вопросов. Единственное, что известно, так это то, что его отец был до революции управляющим в каком-то барском имении. А сам Палыч еще до революции был репортером крупной газеты.

А вот какую легенду о нем поведал мне многолетний редактор «Вечерки» Семен Давыдович Индурский.

Однажды Зуев так увлекся охотой где-то

вдалеке от Москвы, что пару недель не приносил своих заметок в редакцию. И тут редактору позвонил самолично Лаврентий Берия, высказал неудовольствие. Оказалось, что этот злодей любил читать Зуева. Звонок всеильного и страшного главы лубянского ведомства вызвал в редакции панику, все сотрудники были брошены на поиск Дмитрия Павловича. «Заметки фенолога» вновь появились на страницах «Вечерки».

Любопытнейшие взаимоотношения Зуева с Алексеем Силычем мне довелось наблюдать в предвоенные и военные годы. С матерью и братом мы жили тогда на подмосковной даче писателя в Тарасовке. Он часто сюда приезжал вместе с Зуевым, убегая от бесконечных заседаний в различных комиссиях Союза писателей и бесчисленных телефонных звонков.

Секретарские функции Зуева были весьма разнообразны. Он нередко совершал поездки в разные города и села для предварительных встреч с вылазными цусимцами, роман о которых писал Новиков-Прибой, помогал ему в общении с издательствами. Был он и первый критик, перепечатававший на пишущей машинке все, что выходило из-под пера писателя. Хотя их литературные вкусы часто различались, Алексей Силыч всегда внимательно выслушивал замечания и нередко с ними соглашался. При работе над «Цусимой» Дмитрий Павлович признавал свою полез-

Последним приплелся Зуев, небрежно неся в руке огромного гуся-гуменника. Наслаждаясь завистливыми взглядами товарищей, он его закрепил повыше на суку березы — чтобы собаки, мол, не достали. И тут же, усевшись на пеньке у костра, стал докладывать, как снайперским дуплетом «срезал» птицу. Однако взъерошенный вид гуся показался Алексею Силычу подозрительным. Как только Зуев ушел за хвостом, он подошел к березе с гусем. Смердный запах разлагавшейся падали ударил ему в нос. Стало ясно, что Дмитрий Павлович подобрал кем-то раньше подстреленную птицу. Когда, «разоблачив» Зуева, гуся бросили голодным собакам, они от него брезгливо отвернулись.

Рассказ Алексея Силыча сопровождался уморительной жестюкляцией, и все присутствовавшие покатывались от хохота. Зуев тоже смеялся до слез. Впрочем, он не остался в долгу и «выдал» забавную историю, случившуюся с Алексеем Силычем.

Алексей Силыч и мой отец были свояками — женаты на сестрах. Отец, работая дипкурьером, постоянно находился в зарубежных командировках. И они виделись редко, но всякий раз Алексей Силыч до тошно расспрашивал о жизни в странах, в которых ему довелось побывать за долгие годы вынужденной эмиграции. Хорошо разбиравшийся в людях Алексей Силыч не поверил, что отец, арестованный осенью

1938 года, — «враг народа», и как мог оберегал нашу семью. Лютой зимой 1939 года он неожиданно появился на пороге развалюхи в пригороде Москвы, куда моя мать и мы, двое ее сыновей-подростков, были выселены из московской квартиры после ареста отца. Застав нас в верхней одежде и ушанках возле нещадно дымившей кирпичной печи, он повздыхал, сказав только, чтобы мы никуда не расходились, и ушел. Через час вернулся за нами. Мы погрузили свой нехитрый скарб на розвальни и уехали на его дачу в Тарасовку. Нынче трудно представить, каким нужно было тогда обладать мужеством, чтобы в пору массовых арестов невинных людей приютить у себя семью «врага народа».

Более того, когда спустя два года Новикову-Прибою была присуждена за «Цусиму» Сталинская премия, он демонстративно сделал по почте денежный перевод отцу, находившемуся в одном из зауральских лагерей. И это был не просто акт милосердия. Писатель счел нужным послать деньги от своего имени, что было чревато для него крупными неприятностями. К счастью, обошлось. Это был явный, но единственно тогда возможный вид протеста против репрессий.

Он вообще был человеком нестандартных поступков. На рынке у станции Клязьма он увидел продавца старых книг. Среди них корешок своей «Цусимы». Вытащив ее из стопки, полистал замызганные, с загнутыми уголками страницы. И лукаво спросил:

— Неужели думаешь, что кто-нибудь купит это барахло?

Реакция продавца была мгновенной: — Сам ты барахло! Почитал бы — такого не говорил!

Алексей Силыч расхохотался, дружески хлопнул продавца по плечу, и мы удалились, оставив книжного «жучка» в крайнем недоумении.

Александр ШЕСТАКОВСКИЙ, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Фото из семейного альбома

А. С. Новиков-Прибой (слева) и Д. П. Зуев (справа) принимают на квартире писателя своих друзей-охотников из Костромы, 1935 г. (фотография публикуется впервые)

ность и впоследствии шутиливо утверждал, что, нахватавшись у Алексея Силыча «морских премудростей», вполне бы мог командовать крейсером или броненосцем, хотя никогда их даже не видел.

По утрам Алексей Силыч с Зуевым выходили в сад. И стоило Дмитрию Павловичу узреть среди листьев какую-нибудь пичужку, как он раздражался пространной тирадой о жизни и нравах этой птички. Алексей Силыч с интересом выслушивал его, ибо в чем-чем, а в знании тонкостей природы Зуев был для него непререкаемым авторитетом. Поработав в саду минут 30—40, они поднимались в кабинет.

Иногда они устраивали себе разрядку за обедом, рассказывая друг о друге забавные истории. Запомнился мне один из охотничьих «подвигов» Зуева, о котором нам за столом поведал Алексей Силыч. Как-то ранней весной они с группой охотников оказались в угодьях, славившихся обилием пернатой дичи. Едва успели они затаяться каждый в своем заранее обустроенном скрадке, как повалил снег, да такой густой, что о желанном перелете птиц не могло быть и речи. Приунывшие охотники возвратились к общему костру.